
С КНИЖНОЙ ПОЛКИ

А.А. Горных*

**МОЖЕТ ЛИ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ
НЕ БЫТЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ?
(РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ
ФРЕДРИКА ДЖЕЙМИСОНА
«ПОЛИТИЧЕСКОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ»)**

**Рецензия на кн.: Jameson F. The political unconscious:
Narrative as a socially symbolic act. – Ithaca, N.Y.:
Cornell univ. press, 1981. – 305 p.**

«Всегда историзируй!»

«Политическое бессознательное» – одно из ключевых теоретических произведений Ф. Джеймисона. В нем американский литературовед и социальный философ пытается доказать тезис о приоритете политической интерпретации текстов культуры – прежде всего литературных произведений. Решение этой задачи приводит его к поиску новых ответов на гораздо более масштабную проблему – проблему культурной детерминации. «Политическое

---

* **Горных Андрей Анатольевич**, кандидат философских наук, профессор департамента медиа и коммуникации Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва), e-mail: andrei.gornykh@ehu.lt

Gornykh Andrei, European Humanities University (Vilnius, Lithuania), e-mail: andrei.gornykh@ehu.lt

бессознательное» – краткое обозначение возможного решения этой проблемы.

Как достичь уровня политического бессознательного посредством анализа литературных текстов? «Всегда историзируй!» В соответствии с этим методологическим лозунгом субъект желания трактуется в книге не как вневременная константа, но как историческая переменная, возникающая при взаимодействии прошлого и будущего индивида. Прошлое не есть нечто вроде психоаналитического «базиса», из которого можно вывести «надстройку» взрослой жизни. Индивидуальное прошлое – это не детерминирующая инстанция, но «фантазматический субтекст», которому еще предстоит пройти фазу исторической текстуализации.

Согласно методологической установке Ж.-П. Сартра в «Поисках метода», которой следует Джеймисон, роль семейного опыта в становлении субъекта желания не является автономной и самодостаточной. Семейный опыт опосредует отношения индивида и более широкой социальной реальности: следует «прочитывать семейную ситуацию как медиацию классовых отношений в обществе в целом и схватывать родительскую функцию также и как социально кодированную или символическую позицию» [Jameson, 1981, p. 180].

Именно поэтому американский философ с самого начала характеризует семейную ситуацию не только и не столько в психологических терминах, описывающих внутрисемейную констелляцию отношений, но в классовых терминах. В случае Бальзака, например, – исторически специфического противостояния аристократии и буржуазии. Отец писателя – бывший крестьянин, разбогател в наполеоновскую эпоху на спекуляциях с конфискованными дворянскими землями. Главная его «страсть» – накопительство, отсрочка траты, выжидание момента, аккумуляция сил – как в экономическом, так и сексуальном плане. Мать – представительница старой «купеческой аристократии». Цветущая, романтическая, любвеобильная (но по отношению не к мужу и их общему сыну, а к ее внебрачному сыну).

Образцовый представитель первого поколения капиталистов и ностальгирующий, «аристократический» женский типаж. Такова семейная ситуация – точнее фрустрация, – в которой застаёт себя будущий родоначальник европейского реалистического романа. «Будь настоящим – сухим, расчетливым – буржуа!» – таково фор-

мативное послание со стороны отца. «Будь чем-то большим, чем буржуа, стань новым аристократом!» – таково аллегорическое «требование» матери. Оказавшись в ситуации данного «двойного послания» (double bind) – выполнить одно требование значит презреть другое и наоборот, в то время как оба непреложны и ультимативны, – Бальзак разворачивает фантазматическую систему защиты, позволяющую ему уклоняться от вопроса, неизбежно заводящего в невротический тупик: кого ты больше любишь (или меньше ненавидишь) – отца или мать? Защиты, вылившейся в жанр европейского реалистического романа.

Но что ребенку до того, что его отец буржуа, агент капиталистической рационализации, а мать из другого классового лагеря? В том-то и дело, что желание ребенка – без больших потерь выпутаться из ситуации «двойного послания» – сбывается задним числом, когда мерное, родниковое течение психобиографического «субтекста» встречается с мощным потоком социальной Истории. В зоне турбулентности, образуемой слиянием этих двух потоков, и возникает субъект желания, детектируемый – и в этом еще одна принципиальная методологическая установка автора «Политического бессознательного» – на уровне самого художественного текста, на его «поверхности».

История, которую повествует нам текст (литературный, модернистский), возникает как эффект взаимодействия малой (биографической) и большой (социальной) историй. Взаимодействия неоднозначного – в одних аспектах История в тексте удваивает биографию, в других трансформирует и вытесняет ее.

На уровне психобиографического субтекста запускается механизм фантазирования (wish-fulfillment) – поиска воображаемых форм разрешения реального противоречия. Здесь Джеймисон задействует структурную методологию в направлении синтеза концепции мифа Леви-Стросса и идеологии Альтюссера. Если миф, по Леви-Строссу, работает, как «машина» разрешения неразрешимых в жизни сообщества противоречий, а идеология, по Альтюссеру, это воображаемое отношение к реальным условиям социальной жизни, то для Джеймисона литературный текст – это способ производства воображаемых форм, в которых человек строит отношения с собственной исторической реальностью неразрешимых противоречий. Данный подход вписывается в рамку антиинтерпретативной установки, которую Джеймисон в общем разделяет с другими теорети-

ками, выступающими «против интерпретации» (Делёз, Гваттари, Лакан, Бодрийар и др.). Согласно этой позиции текст не столько «значит» нечто (отражает, представляет), сколько «работает» (производит). Каким же образом работает текст?

Основным инструментом описания этой работы парадоксальным образом выступает семиотический квадрат Греймаса. Как может то, что в самой структурно-семиотической парадигме трактуется как «онтологическая», трансисторическая структура мышления (или самой физической реальности), служить инструментом «радикальной историзации»?

Идеологическая структура повествования

Персонажи литературных произведений за внешними перипетиями разнообразных сюжетов образуют систему отношений, которая описывается моделью семиотического квадрата А. Греймаса – такова исходная аналитическая гипотеза Джеймисона.

Но данный факт может говорить не только в пользу того, что истоком литературного текста (традиционного, сказочного) является миф, структурно разрешающий извечные человеческие конфликты жизни и смерти, мужского и женского, детского и взрослого и т.п. Этот факт можно рассматривать и в качестве свидетельства того, что в современных литературных текстах персонажи образуют замкнутую систему отношений (контрарности, субконтрарности, контрадикторности и дополнительности). И эта система является схемой, слепком классовой борьбы, идеологической динамики своего времени, а не застывшей, вневременной, мифологической структурой.

Семиотический квадрат как инструмент диалектического анализа позволяет преодолеть две ловушки «формализма», статичной формализации текста, превращения его в замкнутую систему, лишенную связей с исторической действительностью.

Во-первых, он позволяет выйти за пределы «повествовательной закрытости» (narrative closure) реализма. Если история, повествуемая реалистическим произведением, целиком, от завязки до развязки, содержится в рамках текста и время прекращает свое течение за этими рамками, то идеологическая структура повествования отсылает нас к более обширной и открытой социальной Ис-

тории, фрагментом которой оказывается сюжет конкретного произведения.

Во-вторых, семиотический квадрат не есть схематическое отражение внелитературных реалий – расклада классовых сил, «закрытого» идеологического противостояния (*ideological closure*). Позиция «идеологической закрытости» расщепляет исторический процесс на совокупность синхронных состояний и моментов диахронического перехода от одного состояния к другому. Другими словами, ставит «великую» в рамках структурализма проблему диахронии, которую Джеймисон переписывает в терминах «культурной революции». Последняя для американского теоретика не есть транзитивный момент перехода от одной структуры к другой, но перманентное состояние борьбы различных социальных укладов, формаций или способов производства в рамках одной и той же исторической действительности, что и является объектом политического прочтения текстов.

Так, в повести Бальзака «Старая дева» одинокая состоятельная мадемуазель Кормон становится объектом матримониального соперничества двух антагонистических персонажей – шевалье де Валуа, элегантного, но не делового аристократа, и энергичного, но неотесанного буржуа дю Букье. Оба вынашивают желание существенно улучшить с помощью женитьбы свои положение – обрести Дом (хотя для одного это – скорее деньги, для другого – статус). Шевалье образован, ведет куртуазные беседы, постоянно заботится о безукоризненном внешнем виде, но далее этого его жизненная энергия не простирается, в повествовании он занимает преимущественно пассивную позицию и в конечном счете безвольно уступает в соперничестве грубоватому, но напористому и расчетливому дю Букье.

Вульгарно-социологический подход, оперируя схемами «идеологической закрытости», без колебаний опознал бы в этом противостоянии персонажей историческое противостояние аристократии и буржуазии в переломный момент победы восходящего класса над нисходящим. Джеймисон же, опираясь на методологию Проппа и Греймаса, рассматривает основных персонажей как совокупность функциональных черт – сем.

Так, «де Валуа» составлен из двух ведущих черт. Во-первых, он представляет «органическое сообщество», «старый режим», родовую аристократию, которая в глазах Бальзака является носителем традиций чести, верности, рыцарских идеалов – благородства.

Во-вторых, он олицетворяет собой высокую культуру, но в ее пассивном, отвлеченном от жизни измерении.

Соответственно «дю Букье» сделан из энергичности наполеоновского образца, наступательной предприимчивости и духовной «стерильности», неспособности породить какие-либо идеалы, возвышающиеся над повседневной прагматикой. Эта стерильность принимает у Бальзака заостренно сатирический характер – триумфальный буржуа дю Букье оказывается импотентом, а мадмуазель Кормон, несмотря на замужество, так и остается старой девой. Поскольку семы, образующие облик персонажей, характеризуются ярко выраженной идеологической окраской, они обозначаются также как идеологемы.

Эти идеологемы образуют искомый семиотический квадрат:

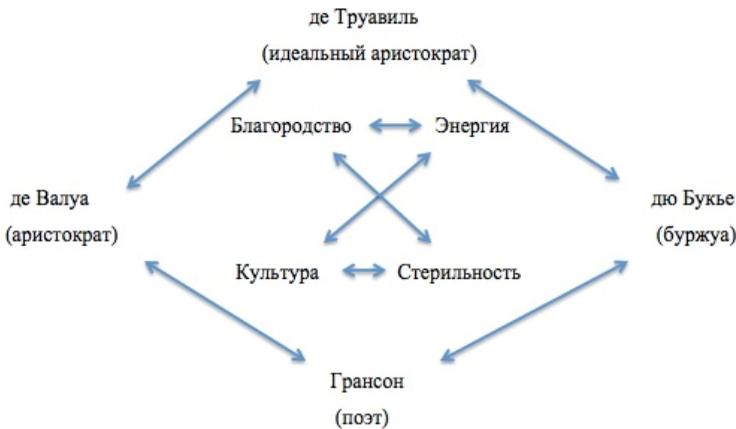
Выявленная структура – это и есть слепок идеологической динамики – движущихся, преодолевающих самих себя противоречий (а не застывших антиномий или оппозиций). Каждая пара данной идеологической структуры продуцирует свой «синтез» – персонажа. Это производство (инвестированное, как мы увидим ниже, авторским желанием), эта «работа» текста носит бессознательный характер, и поэтому здесь мы оказываемся лицом к лицу не с чем иным, как собственно с «политическим бессознательным». Гипотезу о его существовании, по мысли Джеймисона, можно считать доказанной, если мы обнаружим недостающие антропоморфные репрезентации снятых противоречий, т.е. персонажей-синтезов. И таковые отыскиваются в виде «узелков» на поверхности текста – странноватых, маргинальных фигур, наподобие «плута» (трикстера) достраивающих систему до цельности. В нашем случае это господа Атаназ Грансон и де Труавиль.

Атаназ Грансон – бедный юный поэт, который, кажется, единственный по-настоящему любит (или верит, что любит) глав-

ную героиню, но сочетает в себе черты культуры и «импотенции», тенью проходя по краю сюжетного действия.

С последним же элементом «шарады» дело обстоит сложнее. Виконт де Труавиль – возвратившийся из эмиграции военный – представляется идеальным женихом в глазах самой мадам Кормон. Он сочетает в себе лучшие черты благородства и энергичности – «изящная сила», так характеризует его Бальзак. Но он оказывается женат на русской княгине и вообще выступает героем какой-то другой истории, по ошибке попавшим в этот провинциальный фарс.

Полная идеологическая система «Старой девы», таким образом, имеет следующий вид:

Структурная детерминация

Семиотический квадрат идеологом, таким образом, функционирует как бессознательное ядро текста, в котором происходит нечто вроде цепной реакции – коммутация «элементарных частей», идеологом, которые образуют все возможные комбинации, объединяются и делятся, выбрасывая воображаемую энергию в больших количествах. Эта энергия «застывает», объективируется в виде повествовательных актантов (персонажей, объектов, мест, значимых с точки зрения развития сюжета).

Политическое бессознательное – это нестабильная система идеологических противоречий, ищущих (невозможного) разрешения посредством перебора всех возможных комбинаций. В этом смысле литературное произведение не «отражает» внелитературную ситуацию (сколь угодно концентрированно, обобщенно, существенно), но активно вмешивается в ситуацию, которой оно порождено – иными словами, в «символический акт».

Здесь важно подчеркнуть, что данная аналитическая модель не глубинная, «интерпретативная» в узком смысле. Бессознательное ядро не существует где-либо вне текста, оно детектируется именно на «поверхности» текста, в системе его формальных особенностей. Иными словами, не существует некоего особого пространства или носителя этого бессознательного по типу юнгианского коллективного бессознательного или гегелевского Духа Времени. Не существует онтологического Принципа, подлежащего всем конкретным проявлениям данной эпохи, являющихся всего лишь разнообразными «выражениями» этого принципа (так называемая экспрессивная детерминация).

Горизонт политического бессознательного, История – это «отсутствующая причина», которая существует только в совокупности взаимоотношений своих следствий, эффектов. В этом заключается суть концепции «структурной детерминации» Луи Альтюссера – важнейшего теоретического основания «Политического бессознательного».

Социальная История является конечным интерпретативным горизонтом концепции политического бессознательного. В первом горизонте – на уровне текста как индивидуального произведения литературы – работает леви-строссовская методология, в соответствии с которой «индивидуальная структура» (конкретное произведение, миф) предстает воображаемым разрешением реальных противоречий [Jameson, 1981, с. 77–79].

На втором уровне текста-дискурса объектом становятся единицы классовых дискурсов – идеологемы: минимальные классовые высказывания о своих характеристиках (выраженных в персонажах – characters) как противостоящих другому классу. Текст как дискурс обнаруживает свою диалогическую структуру. Противоречие на первом уровне было «одноголосным» и привязанным к конкретному произведению. На втором уровне оно становится диалогичным и понимается как частный «символический ход» в

общей стратегической конфронтации классов [Jameson, 1981, р. 84–85]. Таким образом происходит расширение понимания текста как «символического акта».

Третий, финальный, горизонт – История обретения (утраты) коллективного единства перед лицом Иного (Природы, Врага) [Jameson, 1981, р. 89]. Содержание этой Истории – последовательность различных «способов производства» (исторически определенные системы взаимосвязей экономики, политики, права, идеологии и культуры), в пределах которых нет решающей, конечной детерминирующей инстанции (будь то сексуальность, экономика или Абсолютный дух).

Здесь Джеймисон с позиций альтюссеровского структурализма критикует классический марксизм с его моделью базиса и надстройки. Способ производства, по Джеймисону, это не узко-экономическая категория (единство производительных сил и производственных отношений), которая однонаправленно детерминирует все остальные уровни социальной жизни (политико-правовую надстройку и культуру). Способ производства – это «синхронная система социальных отношений как целое, вся система отношений между этими уровнями» [Jameson, 1981, р. 36].

Как экономика производит материальные ценности, идеология производит социальные ценности, искусство – типы субъективности, право и политика – справедливость. Все эти типы производства находятся не в классических причинно-следственных отношениях (картезианской, «механической» однонаправленной каузальности, разновидностью которой в данном случае выступает доктринальный марксизм, или гегелевской «экспрессивной» каузальности), но в отношениях опосредования («структурная» каузальность).

Опосредование (или медиация) – базовый термин, определяющий оригинальность концепции политического бессознательного. В этом центральном моменте своей версии марксистской методологии анализа культуры Джеймисон отталкивается от метода гомологий Люсьена Гольдмана, сыгравшего, по его словам неопределимую роль в пробуждении живой марксистской мысли. Французский социолог и философ исходит из гипотезы о существовании гомологий – отношений скрытого, глубинного подобия – между различными уровнями социальной жизни. В частности, в своей классической работе «Сокрытый бог» (1955) он выявляет систему

гомологий между экономикой, политикой, литературой и философией в абсолютистской Франции XVII в. Джеймисон принимает гипотезу о существовании гомологии – «кода», «языка», который применим к описанию феноменов социальной жизни различных уровней, по видимости не имеющих ничего общего. Так, например, ключевым гомологическим кодом, описывающим различные феномены капитализма (эстетические, экономические, идеологические и пр.), выступает код «реификации» (товарного овеществления), теория которой, для Джеймисона, выступает красной нитью рефлексии о капитализме от Маркса и Вебера до Гольдмана и Лукача. Но помимо отношений гомологии между различными уровнями социальной жизни, настаивает Джеймисон, необходимо искать и более активные отношения «производства, проекции, компенсации, вытеснения, смещения» [Jameson, 1981, с. 44].

Именно здесь происходит решающая «прививка» формализма для того, чтобы вывести новую «породу» умного марксизма (smart marxism), способную сохранить свой живой утопический потенциал в вакууме позднего капитализма¹. Если формализм первой волны (русская формальная школа, американская «новая критика» и др.) выступал реакцией на крайности вульгарного социологизма и психологизма в трактовке художественных текстов, рассматривавших тексты как непосредственные отражения общественной ситуации или прозрачные «окна» в авторскую психологию, то «умный марксизм» учитывает урок формализма – его культуру тщательного анализа эстетической фактуры художественного текста, но не ради нее самой, а в качестве способа выйти к диалектике текстуальной «поверхности», на которой могут быть обнаружены проекции глубинного социального содержания, недоступного никаким иным способом.

В частности, важным недооцененным методологическим уроком русского формализма Джеймисон считает демонстрацию того, как элементы возникающей сложной художественной формы служат для того, чтобы «компенсировать или восполнить некоторую структурную нехватку на более низком или более раннем уровне производства» [Jameson, 1981, p. 44].

---

¹ В своем «Возвышенном объекте идеологии» Славой Жижек развернуто демонстрирует ресурсы психоаналитического «формализма» Фрейда и Лакана для анализа идеологии капитализма [Жижек, 1999].

Медиация, таким образом, это сложные динамические отношения опосредования между социальными уровнями, каждый из которых в определенных моментах удваивает и отражает другой, поддерживает и воспроизводит его, но в то же время компенсирует его недостатки, вытесняет его негативные черты, переставляет акценты, нейтрализует его как противоречие себе и сам «снимается» в некоем общем для них третьем термине¹.

Концепция структурной причинности имела прямую политическую значимость в контексте антисталинистских дебатов о стратегии левых во Франции в 1960-х годах. Сталинская политика основывалась на трактовке экономики как конечной детерминирующей инстанции («базиса»), изменения в которой повлекут за собой изменение и во всех остальных, «надстроечных» областях социальной жизни. Так, например, форсированная индустриализация города и принудительная коллективизация деревни призваны были создать почву для роста новой пролетарской культуры, для появления «нового человека» коммунистического типа. При этом репрессивный аппарат государства, который обеспечивал построение нового экономического базиса для грядущей культуры, служил чем-то вроде строительных лесов, которые должны были быть

---

¹ Так, все искусство модернизма, для Джеймсона, с одной стороны, гомологически удваивает опыт аномии, стандартизации, десакрализации, фрагментации – одним словом «реификации», но в то же самое время является жестом вытеснения и утопической компенсации последней: Ср.: «Фруктовые деревья в этом (вангоговском. – А. Г.) мире предстают древними и высохшими стволами, вышедшими из недр бесплодной почвы; деревенские жители изношены до остовов, карикатур какого-то предельно гротескного собрания основных человеческих типов. Каким же образом у Ван Гога такие предметы, как эти яблони, взрываются в галлоциногенную цветную поверхность, а его крестьянские типажи внезапно и кричаще переполняются оттенками красного и зеленого? Кратко, в виде первого толкования, предположу, что эта произвольная и насильственная трансформация монотонно-серого крестьянского предметного мира в предельно яркую материализацию чистого цвета в масляной краске должна рассматриваться как утопический жест, акт компенсации, увенчивающийся производством полностью новой утопической сферы чувств или, как минимум, того главенствующего чувства – зрения, видимого, глаза, – которое он пересоздает для нас в качестве полуавтономного пространства, части некоего нового разделения труда в составе капитала, некоей новой фрагментации возникающей чувственности, которая в то же время воспроизводит специализации и разделения капиталистического порядка таким способом, что ищет именно в этой фрагментации отчаянную утопическую компенсацию за них» [Jameson, 1991, p. 7].

отброшены, после того как здание новой пролетарской культуры будет отстроено на соответствующем экономическом фундаменте.

На практике оказалось, что «идеологические аппараты» государства, воспроизводящие самих себя, и есть само «здание», которое вынужден был обживать советский человек. Что государственная «машина» является базисом не в меньшей мере, чем машины индустриальные. Что «новый» человек, порожденный этой машиной – вырвавшийся из темной и нищей массы функционер, бюрократ – не временная форма, в которую отливается закаленная сталь нового человека, но сама «болванка», социальное ядро советского общества.

Эта трагическая история повторилась в виде фарса постсоветской «приватизации». Российские идеологи неоллиберализма пошли проторенным сталинским путем, форсированно демонтируя старый «базис» отношений собственности, рассчитывая на то, что институт частной собственности автоматически приведет к образованию среднего класса, который, в свою очередь, создаст цивилизованную политико-правовую культуру. Но та форма, в которой проходила приватизация «любой ценой», привела к созданию такой политико-правовой надстройки, которая оказалась для воодушевленного демократическими ожиданиями общества обескураживающей версией олигархического капитализма.

В рамках структурного понимания причинности можно сказать, что в данном случае сложная система отношений различных социальных элементов и есть та «причина», которую невозможно локализовать только в области экономики (или политики, или Духа и т.п.). Противоречивая динамика соотношения новых и старых групп влияния (госбюрократии и бизнеса, силовиков и криминалитета), имперских амбиций и неоллиберальных лозунгов, новых отношений собственности и старой «вертикали» власти, патриархальных православных ценностей, ностальгии по советскому и дикого капитализма и т.д. – все это образует «причину», которая отсутствует в каждой отдельной сфере социальной жизни. Можно сказать, что причиной современной политической системы России стало ее соотношение с экономическими, правовыми, религиозными, культурными феноменами. Равно как причиной экономической ситуации является ее соотношение с остальными сферами жизни, прежде всего с той специфической «полуавтономией» государственного бюрократического аппарата в жизни российского

общества, которую задолго до Альтюссера описывал еще Лев Троцкий. Причем в одних случаях это соотношение носит характер гомологии, взаимоусиления, в других – деформации, компенсации. Так, например, класс современных российских силовиков, с одной стороны, возникает как эффект компенсации постсталинского жесткого контроля партаппарата над спецслужбами и попыток их демократического демонтажа в начале 1990-х, а с другой стороны – как результат встраивания в систему сверхприбылей, возникающую на стыке госмонополий и теневого бизнеса. Отсюда возникающие идеологемы спецслужб как «нового дворянства», Сталина как «эффективного менеджера» и т.п., которые выступают симптомами этой противоречивой исторической динамики и ждуг еще своей нарративной артикуляции.

Возвращаясь к нашему примеру – индивидуальная фантазия Бальзака, как защита от двойного послания, порождает различные воображаемые преодоления базового семейного противоречия – элегантно-материнского бессилия и отцовской грубой энергии. «Инородный» повествованию в «Старой деве» виконт де Труавиль является образцом подобного wishful thinking – в его фигуре эlegantность становится деятельной, а энергия – «изящной». Избранные материнские и отцовские свойства смещаются относительно прочих и сгущаются в недостижимый «идеальный образ». В отличие от инфантильного фантазера или невротика, писатель должен задействовать различные приемы маскировки, переработки своих интимных (постыдных, асоциальных и т.п.) фантазий, чтобы они – неузнанными – могли стать предметом публичного признания. Для Джеймисона эта переработка и маскировка индивидуальных фантазий совершается не просто с помощью аппарата авторского мастерства, счастливых находок гения. Именно в этой точке происходит подключение сверхиндивидуального регистра Истории, чутким сейсмографом которого оказывается автор (инвестировавший со своей стороны в текст свои глубинные фрустрации и тревоги, свое желание – что служит чем-то вроде резонатора для отдаленного эха Истории или бумаги, на котором самописец «сейсмографа» может записать подземные толчки Истории).

Здесь, на уровне политического бессознательного, нет никаких персонажей или героев, есть базовое противоречие эпохи – увиденное, схваченное Бальзаком сквозь призму своей семейной ситуации – противоречие «функций», «сем» или «идеологем» нисходящего ари-

стократизма (элегантности, благородства) и восходящей буржуазности (материальной приземленности). Далее начинает работать «сам» текст. Термины контрарности «диагонально» проецируют свои собственные контрадикторности, которые образуют нижнюю пару субконтрарности – семиотический квадрат достроен. Если на уровне базового противоречия один из терминов может оказаться истинным только при условии, что другой будет ложен («двойное послание»), то на уровне полученной субконтрарности термины не могут быть одновременно ложными, зато могут быть одновременно истинными (снимая, таким образом, фрустрирующую ультимативность «двойного послания»). Или, в терминах медиативной структуры Леви-Стросса, вместо радикальной, несводимой оппозиции (жизнь / смерть) отыскивается оппозиция сближенных терминов (земледелие / война), которая допускает опосредующий термин, сочетающий свойства обоих терминов оппозиции (охота). Семиотический квадрат как базовая идеологическая структура, как подвижное поле структурирования воображаемого порождает все возможные медиации противоположных терминов, принимающих антропоморфный облик основных персонажей повествования, которые связаны между собой также системой контрарных, контрадикторных и дополнительных отношений.

Бальзак как историческая личность не может не видеть, в каком направлении идет история – победившей стороной в конечном счете у него оказывается буржуа (дю Букье в случае «Старой девы»). Но его политическая фантазия порождает фигуры альтернативной истории – типа де Труавиля, возможного героя новой, успешной Реставрации, с которой связывает свои политические надежды сам Бальзак. Они в свою очередь вступают в сложные отношения с типажам реального политического процесса. В целом его «реалистический» нарратив, будучи, с одной стороны, движим индивидуальным желанием (помимо уже описанных, пассивный де Валуа наделяется недвусмысленными признаками сексуальной потенции, отсутствующей у «победившего» дю Букье), с другой – как минимум лишает реальную социальную историю необратимости и изображает необходимость политического господства буржуа как достаточно случайное, «фарсовое» развитие событий, допускающее возможность других сценариев (аристократического реванша).

Социальная тотальность

Что же организует отдельные симптомы в строгую систему, в рамках которой осуществляется сложное взаимодействие различных идеологических кодов? Как отдельные воображаемые разрешения реальных противоречий образуют кристаллическую структуру повествования, где персонажи располагаются в таком порядке, что в их взаимоотношениях исчерпываются все возможные типы логических связей? Ответ на подобные вопросы, по Джеймисону, следует искать не в гениальности автора, но в присутствии в тексте самой Истории.

Структурная целостность, обнаруживающая себя в идеологической системе текста, недвусмысленно говорит нам о существовании некой силы, бессознательного «влечения» – социальной Тотальности. Социальная тотальность – не некое «идеальное» состояние общества (которое утрачено и / или должно быть обретено в будущем), но обозначение самого стремления к упорядочиванию, гармонизации социальных отношений, к Единству как утопическому горизонту Истории; двуединого стремления к тотальной символизации внешнего мира и самоупорядочиванию внутри группы. Его эффектом выступает Единство, которое может быть спроецировано на внешний мир, чтобы тот возник для человека в качестве Универсума, Порядка. В этом контексте Повествование рассматривается как фундаментальная способность человеческого разума нарративизировать личный опыт через опыт принадлежности к группе.

При капитализме эта История вытесняется, но с тем большей необходимостью она возвращается, наподобие невидимого, но огромного небесного тела, которое своими гравитационными полями заставляет видимые небесные тела двигаться по определенным и взаимосоотносимым траекториям.

Джеймисон сравнивает Историю как «отсутствующую причину» с лакановским понятием Реального. Работа психического аппарата описывается в структурном психоанализе в терминах символизации Реального – изначальной «черной дыры», которая дает знать о себе в особенностях и дисфункциях символического порядка (Языка, разворачивающего «полную историю» индивида). Схожим образом История, как нарративизация опыта индивида в качестве социального существа, не имеет телоса и субъекта (Аль-

тоссер). Но в отличие от негативистской трактовки Реального как травмы у Лакана, Джеймисон рассматривает Историю как Реальное скорее в позитивном ключе – в качестве гармонизирующего начала, влечения к единству.

Это понимание Истории служит предпосылкой чтения «Политического бессознательного» в вынесенных в эпиграф мыслях Витгентштейна («Вообразить язык – значит вообразить форму жизни» [Wittgenstein, 1986, p. 8]) и Дюркгейма («Мир, выраженный в тотальной системе понятий, является таким миром, каким его представляет общество для себя... Универсум может быть помыслен в целостности только самим обществом... таким образом, общество может быть понято как тотальный род, помимо которого ничего не существует. Сам концепт тотальности является всего лишь абстрактной формой представления об обществе – той целостности, которая включает в себя все вещи, высший класс, который включает в себя все другие классы» [Durkheim, 1968, p. 441–442]). В самой книге понятие тотальности разворачивается с помощью критического аппарата Лукача, выявляющего ее действие в «нарративных схемах, которые наделяют объекты репрезентации формальным единством» [Jameson, 1981, p. 53].

Любые проекты радикальной политики, эстетики, освобождения желания должны принимать в расчет то, что только сообщество выступает тем самодостаточным символическим единством, децентрированным эффектом которого является субъект и само индивидуальное тело.

Любая критика капитализма должна исходить из неизбежного, неизбежного влияния социальной тотальности на индивида. А в случае капитализма – вытеснения Истории – неумолимого, травматического ее возвращения. Чем иным является Капитал, как не бесконтрольным и тотальным подчинением жизни индивида сети безличных и непроницаемых в своей отчужденности от человека императивов («Обогащайся!», «Наслаждайся!», «Следуй моде!» и т.п.). Идеология индивидуализма, автономного буржуазного эго лишь усиливает темный ореол внешней, непознаваемой, господствующей силы, в которую превращается социальная тотальность, увеличивая тем самым фундаментальную тревогу субъекта. Ответом на это может быть только «новая, оригинальная форма коллективной жизни, способной преодолеть изоляцию и монадообразную автономию прежнего буржуазного субъекта, таким

образом, чтобы индивидуальное сознание могло бы стать живым опытом – а не только теоретически – самого себя как “эффекта структуры” (Лакан)» [Jameson, 1981, с. 125].

Политическое бессознательное, таким образом, выступает эстетическим феноменом *par excellence* – способом индивидуального переживания включенности в идеологическую динамику эпохи посредством проживания индивидуальных фантазий в «гравитационном поле» социальной Истории, социальной тотальности, структурирующей воображаемые авторские истории.

Список литературы

- Жижек С.* Возвышенный объект идеологии. – М.: Художественный журнал, 1999. – 234 с.
- Durkheim E.* The elementary forms of the religions life. – L.: Allen & Unwin, 1968. – 456 p.
- Jameson F.* Postmodernism, or the cultural logic of late capitalism. – Durham: Duke univ. press, 1991. – 438 p.
- Jameson F.* The political unconscious: narrative as a socially symbolic act. – Ithaca, N.Y.: Cornell univ. press, 1981. – 305 p.
- Wittgenstein L.* Philosophical Investigations. – Oxford: Basil Blackwell Ltd, 1986. – 250 p.